

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензии, аннотации, отзывы

**Л.П. Репина. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.:
социальные теории и историографическая практика. –
М.: Кругъ, 2011. – 560 с.**

А.В. ЛУБСКИЙ

У французов есть метафора «fin de siècle» (конец века), употребляемая для обозначения конца одной и начала другой эпохи: краха многообещающих начинаний, но и сохранения надежды на интеллектуальные прорывы. «Fin de siècle» в истории – это время, когда очаровательная Муза истории Клио достаёт из своего заветного ларца мерку и подводит итоги содеянного людьми.

В исторической науке «fin de siècle» – это время подведения итогов научной деятельности историков, в том числе и в области методологии исторического познания¹. Такому подведению итогов посвящена монография Л.П. Репиной, представляющая собой энциклопедический комедиум современной методологии истории, в котором в контексте интеграции социальных теорий и историографической практики рассматриваются основные тенденции и перспективы развития исторической науки на рубеже XX – XXI вв. В условиях алармистских ожиданий «fin de siècle» – выживет ли Клио в эпоху глобализации – работа Л.П. Репиной проникнута духом эпистемологического оптимизма, поскольку эти перспективы, по мнению автора, вселяют надежду на интеллектуальные прорывы в историческом познании и восстановление профессионального статуса исторической науки и ее социальных функций в обществе.

Повышенный когнитивный интерес к актуальным проблемам исторического познания «после постмодернизма» обусловлен тем, что в условиях постмодернистской социальности, во-первых, наблюдалось размывание стандартов научности исторического исследования и историческая наука испытала нашествие «околонаучного маргинала»; во-вторых, историческое знание стало приобретать принципиально гетерогенный и фрагментарный характер, а в познавательной деятельности обнаружился дефицит холистского исторического мышления; в-третьих, произошла девальвация научно-теоретического разума, и историческое знание стало приобретать все более ангажированный прикладной характер.

В результате наступил, как полагали некоторые исследователи, эпистемологический кризис, «поставивший под сомнение саму веру в неизменность и доступность прошлого, скомпрометировавший возможности исторического постижения и подорвавший нашу способность определять себя во

времени»². Поэтому в условиях «после постмодернизма» перед академическим сообществом историков встали следующие задачи: 1) восстановить профессиональный и социальный статус исторической науки в обществе; 2) преодолеть гетерогенность и фрагментарность исторического знания; 3) вернуть в историческом познании приоритет научно-теоретического разума. При этом речь шла не о возврате к эпохе модерна, а о стремлении вывести историческую науку в условиях кризиса на новый качественный уровень. Такое стремление, как считает Л.П. Репина, уже дает позитивные результаты, эпистемологическим основанием которых в исторической науке «после постмодернизма» выступают, во-первых, интердисциплинарность; во-вторых, парадигмальный синтез; в-третьих, социокультурная контекстуальность.

В настоящее время в исторической науке не утихают споры о том, какой была история «на самом деле» и, вероятно, как отмечает Л.П. Репина, эти споры еще долго будут продолжаться. Вместе с тем в научном сообществе особую актуальность сегодня приобретает вопрос не столько о том, какой была история, сколько о том, куда идет историческая наука, ибо ответ на этот вопрос во многом предопределяет и представления о том, каким было прошлое *per se*.

Ответ на вопрос о том, куда идет историческая наука, зависит от понимания тех изменений, которые произошли в последнее время в исторической эпистемологии. В научной литературе эти изменения получили название «историографической революции» как революции в методологическом сознании. Рассматривая различные этапы этой революции, Б.Г. Могильницкий обращает внимание на то, что первоначально ее доминантой была сциентизация истории, связанная с широкими историко-социологическими построениями, увенчанными грандиозным опытом создания «глобальной истории», и направленная на преодоление идиографических познавательных стратегий. Затем «историографическая революция» продолжалась уже под флагом борьбы с «односторонним сциентизмом» в русле постмодернистской версии исторического познания озаменованной «поворотом к субъективности» и «открытием» микроистории как ведущего жанра исторического исследования. В настоящее время разворачивается третий этап «историографической революции», своеобразие которого заключается, с одной стороны, в критике постмодернизма, а с другой – в отсутствии устойчивых методологических доминант и вытекающем отсюда усилении неопределенности историографической ситуации. При этом Б.Г. Могильницкий считает, что ведущей тенденцией развития современной исторической мысли является проблема методологического синтеза, основывающегося на стремлении к целостному осмыслению истории в единстве ее объективных и субъективных начал³.

Уточняя содержание текущего этапа историографической революции, Л.П. Репина подчеркивает, что многие историки-профессионалы сегодня уже пересматривают свою научно-исследовательскую практику с учетом «лингвистического поворота», отвергая при этом его экстремальные постулаты. Кроме того, она считает, что важным качественным сдвигом в мировой историографии явился «культурный поворот», связанный с изучением культурно-исторической специфики того или иного времени, в контексте которой формируются коллективные представления о прошлом.

Ответ на вопрос о том, куда идет историческая наука, зависит также от понимания той интеллектуальной ситуации, которая сложилась в ней на рубеже XX – XXI вв. Эта ситуация явилась порождением культуры неоглобализма, базирующейся на методологии нового универсализма, который характеризуется, с одной стороны, активизацией дихотомического стиля мышления, а с другой – стремлением к синтезу разных «оппозиций»: глобального и локального, универсального и уникального, гомогенного и гетерогенного, социоцентристского и антропоцентристского, социологистского и номиналистского, номотетического и идиографического⁴.

В книге Л.П. Репиной интеллектуальная ситуация, сложившаяся в исторической науке «после постмодернизма» рассматривается как результат различных в ней методологических поворотов, породивших новые варианты изучения прошлого и призванных преодолеть противопоставление в историческом познании индивидуального и социального, локального и глобального, деятельностного и структурного, макро- и микроистории. Поэтому для текущего этапа «историографической революции» характерны, как полагает автор, интенсивные поиски интегральной, синтетической исследовательской модели, построенной на принципе взаимодополнительности микро- и макроисторического подходов – как в теоретико-методологическом, так и в практическом планах. При этом Л.П. Репина отмечает, что наиболее распространенные версии новой исследовательской парадигмы, которую иногда определяют как «неоклассическую»⁵, опираются на концепции исторического развития, группирующиеся вокруг разных теорий «прагматического поворота», ориентированных на комбинацию микро- и макроанализа и включающие «механизмы» индивидуального выбора в социальных практиках повседневности. Использование современных теорий социальных практик в историческом познании выводит на первый план действия исторических акторов в их локальных ситуациях, в контексте тех социальных структур, которые одновременно и создают возможности для действий, и ограничивают их. В связи с этим следует обратить также внимание на методологический потенциал в историческом познании «после постмодернизма» различных социальных теорий коммуникативного действия и культурных кодов, которые получили разработку в конце XX в.⁶

В целом, как отмечает Л.П. Репина, в настоящее время становится все более очевидным, что сохранение за ремеслом историка достойного общественного статуса невозможно без осмысления всех последствий различных «методологических поворотов» в исторической науке и восстановления синтезирующего потенциала исторического знания на новом уровне. Поэтому важнейшим признаком современного исторического знания, считает Л.П. Репина, является его интердисциплинарность. В связи с чем автор, анализируя парадигмальные изменения в социальной, культурной, локальной, глобальной, интеллектуальной и гендерной истории, исторической биографии и истории памяти, раскрывает прежде всего познавательные возможности различных моделей междисциплинарного синтеза в исторических исследованиях.

Когнитивная мода на интердисциплинарность в современной исторической науке – это академическая реакция на постмодернизм, в рамках которого произошла девальвация научно-теоретического разума и гос-

подстывающей стала тенденция к замещению этого разума «ratio serviens»⁷ и ограничению его прикладной тематикой, а также принципиальная гетерогенность и фрагментарность прикладного исторического знания идеологически-ангажированного или «околонаучного» эмфатического характера.

Подчеркивая особое значение интердисциплинарного подхода в исторических исследованиях, Л.П. Репина отмечает, что, во-первых, существуют различные представления об интердисциплинарности и, во-вторых, интердисциплинарность заключается не только в том, что используются нетрадиционные источники или заимствуются методы других научных дисциплин, но и в том, что историкам надо мыслить себя в интердисциплинарном контексте и осмысливать в нем результаты своей научной деятельности. Интердисциплинарность – это не столько расширение «территории историка», сколько постановка новых научно-исследовательских задач, которые, как известно, гораздо труднее поставить, чем решить.

Современная история междисциплинарности, как полагает Л.П. Репина, может быть условно описана как транзит: от «интердисциплинарности» – через «поли/мультидисциплинарность» – к «трандисциплинарности». Однако, как считает она, не подлежит сомнению, что потребуется еще немало усилий методологов по осмыслению теоретических предпосылок и поиску путей оптимизации исторических исследований трандисциплинарного характера. Для этого, на наш взгляд, надо, прежде всего, развести понятия мультидисциплинарности, интердисциплинарности и трандисциплинарности в контексте коммуникации субъектов, производящих новые исторические знания.

В современной эпистемологии мультидисциплинарность рассматривается как одностороннее дополнение одной научной дисциплины другой; интердисциплинарность – как взаимодействие научных дисциплин; трандисциплинарность – как построение интегральных структур⁸. В трандисциплинарных системах знания выдвигаются претензии на абсолютную универсальность онтологии и методов, утративших дисциплинарную определенность⁹.

Мультидисциплинарный подход в исторических исследованиях – это решение научно-исследовательских задач в рамках предметного поля исторической науки с помощью методологических конструктов и методов других научных дисциплин. Интердисциплинарный подход – это постановка научно-исследовательских задач на стыке истории и других научных дисциплин и использование их методологического и теоретического потенциала в интерпретации научных фактов в целях создания целостной картины исторической реальности. Трандисциплинарный подход связан с постановкой научно-исследовательских задач, направленных на преодоление гетерогенности дисциплинарных научных теоретических знаний путем их осмысления на концептуальном уровне, выходящем за пределы и габитуальные рамки отдельных научных дисциплин¹⁰.

Современные историографические практики, как отмечает Л.П. Репина, показывают, что эффективность той или иной версии методологического синтеза во многом определяется глубиной освоения историками теорий «смежных» наук. Об этом свидетельствует такой важный качественный

сдвиг в мировой историографии, как «культурный поворот», в котором получили отражение как возросший когнитивный интерес к проявлениям человеческой субъективности в прошлом и настоящем, так и стремление к ее контекстуализации на новой теоретико-методологической основе в условиях неоглобализма.

Изучение и сопоставление картин мира, особенностей ценностных систем и содержания культурных идеалов разных исторических социумов и цивилизаций, как полагает Л.П. Репина, — одна из центральных проблем современной исторической науки, по меньшей мере, на ближайшие десятилетия. Вместе с тем, преодолевая ложную альтернативу социального и культурного детерминизма в историческом познании, она не согласна с претензиями «культурной истории» на методологическую универсальность. Проблема, по ее мнению, состоит в другом: как репрезентировать социальную общность в истории, не элиминируя индивидуальные качества составляющих ее индивидов. Это возможно, считает автор, если рассматривать социальную структуру в духе современной социальной теории как совокупность «правил», «ресурсов» и «процедур», организующих социальную практику исторических акторов, а культуру — не как детерминирующую систему символов и знаков, а как набор «компетенций», «инструментов» или «стратегий», посредством которых индивиды используют эти символы и знаки в своей практической деятельности. В понимании культуры как непрерывного взаимодействия между общественной системой и практикой социальной жизни происходит, как отмечает Л.П. Репина, переопределение и усложнение самого понятия «социального» и реабилитация социальной истории, прошедшей горнило лингвистического и культурного поворотов, а синтез «прагматического» и «культурного» поворотов в историческом познании сопровождается переходом от каузального объяснения к контекстуальному через понимание культурных артефактов.

Осмысление всех последствий различных «методологических поворотов» в исторической науке и восстановление синтезирующего потенциала исторического знания на новом уровне невозможно, подчеркивает Л.П. Репина, без стойкой приверженности исследователей к профессиональным стандартам и нормам исторической науки¹¹. Это особенно важно в условиях, когда под влиянием «постмодернизма» в исторической науке широкое распространение получили экзистенциально-антропологические теории научного познания, стремящиеся не только сохранить субъект исторического исследования, но и представить его в теории познания как целостность, в единстве мышления, чувствования и деятельности.

Вместе с тем сегодня, отмечает Л.П. Репина, становится ясным, что освященный вековой интеллектуальной традицией идеал исторической когерентности в виде всеобъемлющего «гранд-нарратива» потерял свою актуальность для современной исторической науки, и надо отрешиться от поиска связности высшего порядка и попыток в угоду тем или иным подспудным тенденциям подчинять разнообразие реальности господству единомыслия или однонаправленности. Отсюда, подчеркивает автор, «очевидный крах той идеи, что все прошлое может быть охвачено в рамках одной, официальной истории, так называемого “большого нарратива”, под который могут быть подведены остальные, “более мелкие нарративы”»¹².

В сложившейся интеллектуальной ситуации в исторической науке формируется новый тип методологического сознания историка. В этом сознании, с одной стороны, актуализируется вопрос о субъективном «мире» научного исторического знания, в котором обнаруживает себя объективный «мир» исторической реальности, а с другой – постепенно преодолевается «жажда объективности», свойственная рассудочно-социологической эпистемологии, и формируется представление о том, что «мир прошлого» становится исторической реальностью в соответствии с познавательным контекстом. Поэтому историческое познание начинает рассматриваться как конструирование «мира прошлого»¹³, а историческое знание – как книга о «реальности прошлого», пишущаяся вновь и вновь различным образом в языках тех или иных культур и исторических эпох.

Неоклассическая историческая наука, рассматривая историческое исследование как процесс моделирования исторической реальности в системе когерентного исторического знания, не столько ищет истины, сколько создает «работающие» модели. При этом публичная сторона деятельности историков в современном информационном обществе налагает на них, как подчеркивает Л.П. Репина, особенно тяжкий груз ответственности, актуализируя вечный и самый общий постулат профессиональной этики – не навреди.

В современной исторической науке господствует теоретический и методологический плюрализм как плюрализм концептуальных конструктов, или моделей, истории и плюрализм научных подходов в изучении истории. Использование в исторических исследованиях различных методологических подходов порождает вопрос об их познавательной эффективности при решении определенного класса исследовательских задач. Использование в исторических исследованиях различных теоретических конструктов порождает проблему языка научного дискурса. Эта проблема связана с вопросом о том, каковы границы и возможности использования теоретических конструктов, разработанных в определенной культурной и языковой среде при изучении конкретных исторических ситуаций и процессов, в научно-исследовательских практиках, связанных с изучением исторических ситуаций и процессов, имевших место в иных социокультурных средах. Поэтому сегодня одной из центральных в методологии социально-гуманитарного, в том числе и исторического, познания является проблема контекстуальности, означающая, что всякое социальное явление необходимо изучать в рамках не только культурно-исторической, но и языковой среды, породившей это явление. Поэтому прежний поиск универсальных категорий и теоретических моделей, пригодных при изучении любой страны, независимо от ее социокультурного своеобразия, сегодня признается неадекватным¹⁴.

Сложные процессы, происходившие на рубеже веков, привели, как отмечает Л.П. Репина, к новому пониманию природы исторического познания, к качественным изменениям в предметном поле, проблематике и методах исследования, в структуре исторического знания. По сути, речь идет о формировании новой исторической культуры и нового образа исторической науки, благодаря чему, как считает Л.П. Репина, история способна вернуть веками принадлежавшее ей центральное место в культуре любой эпохи.

Радикальная перестройка в историографии рубежа веков, подчеркивает Л.П. Репина, далеко не первая и, очевидно, не последняя трансформация

в долгой истории исторического знания. В условиях современной «историографической революции» можно ожидать наступления нового витка методологической модернизации исторической науки, в очередной раз преобразующего облик Клио и «подведомственную» ей «территорию историка» в контексте аналогичных процессов социального и гуманитарного знания.

В заключение следует выразить надежду на то, что фундаментальное исследование Л.П. Репиной, настраивающее рефлексизирующее методологическое сознание на постановку в исторической науке новых эпистемологических проблем, станет заметным интеллектуальным событием в отечественной историографии и будет способствовать формированию у историков новой профессиональной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Могильницкий Б.Г.* Актуальные проблемы методологии истории в зеркале современной историографической революции // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. – М., 2011. – С. 14 – 23.

² *Harlan D.* Intellectual History and the Return of Literature // American Historical Review. 1989. Vol. 94. – P. 881.

³ *Могильницкий Б.Г.* История на переломе. Некоторые тенденции развития современной исторической мысли // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований. – М., 2004. – С. 6.

⁴ *Лубский А.В.* Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010. – С. 221.

⁵ *Лубский А.В.* Неоклассическая модель исторического исследования в культурно-эпистемологическом контексте начала XXI века // Общественные науки и современность. 2009. № 3.

⁶ *Кравченко С.А.* Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов. – М., 2010.

⁷ *Пружинин Б.И.* Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. – М., 2009.

⁸ *Piaget J.* The epistemology of interdisciplinary relationships // Interdisciplinarity. Problems of teaching and research in universities. – P., 1972. – P. 139.

⁹ *Касавин И.Т.* Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. № 4. – С. 61 – 73.

¹⁰ Подробнее см.: *Киященко Л.П.* Философия трансдисциплинарности (Философия, культура, наука) // Постнеклассика / под ред. В.С. Степина. – М., 2009.

¹¹ В исторической эпистемологии существуют различные концепции и соответствующие им стандарты научности исторического исследования. Подробнее см.: *Торстендаль Р.* «Правильно» и «плодотворно» – критерии исторической науки // Исторические записки. – М., 1995. Вып. 1 (119). – С. 54 – 73; *Лубский А.В.* Альтернативные модели исторического исследования. – С. 61 – 78.

¹² *Мезилл А.* Историческая эпистемология. – М., 2007. – С. 461.

¹³ *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. Т. 1. Конструирование прошлого. – СПб., 2003.

¹⁴ См. подробнее: *Титаренко Л.Г.* Современная теоретическая социология // Социологические исследования. 2009. № 1. – С. 16 – 24.